

Если вам снится...
...что вы спите в гнезде гарпии, следите за своими мыслями.
...что вы едите печень гарпии, вы скоро умрете.
...свернувшаяся кровь у вас в волосах,
вы превратитесь в гарпию и будете жить в Венеции.
...что гарпии кормят вас грудью, меньше пейте.

Габриэль Витткоп. Вечный альманах гарпий

Нина лежит, уткнувшись щекой в пол, и наблюдает за комком пыли. Он летает по кругу и почти что вальсирует. Чем дольше Нина изучает комок, тем более живым и антропоморфным он ей представляется. В нем проступают черты лица. Причем не рыхлые, пухлые и бесформенные, каких бы стоило ожидать от комка пыли, а утонченные: рельефные нос и губы, высокий аристократический лоб. Нина готова поклясться, что у комка пыли прилизанная прическа на косой пробор. Этот комок то ли морщится, то ли щурится. У него такое выражение, будто Нина вот-вот сморозит редкую тупость, за которую им обоим сейчас станет стыдно.

Но Нина ничего не сморозит: у нее во рту тряпка, а губы заклеены скотчем. Руки и ноги Нины связаны тем же скотчем, кусками джутового каната, фрагментами старой одежды. Если бы в эту комнату в коммунальной квартире зашел человек, занимающийся обездвигиванием людей и животных профессионально, — профессиональный обездвигиватель, так сказать, — он

оценил бы работу по обездвиживанию на твердую тройку. Имеют место явный перерасход материала, топорность, неряшливость. К тому же работа сделана без уважения к жертве, что не соответствует этике обездвиживателя: кляпом служит грязная тряпка. Неужели так трудно было ее постирать или купить новую? Но в то же время нужно признать: жертву зафиксировали надежно. Шансов освободиться у Нины практически нет, во всяком случае без применения специальных средств.

Из приоткрытого окна задувает очередной порыв ветра и уносит комок. Нина остается наедине с похитителем. Он сидит на стуле спиной к ней и стрижет ногти на левой ноге. Ногти отскакивают от стенки и летают по комнате. В какой-то момент кусок ногтя едва не попадает Нине в лицо — приземляется рядом и исчезает в щели пола. Правой ногой похититель удерживает баланс, покачиваясь на двух задних ножках стула. Нина изучает ахиллово сухожилие на этой ноге. Монументальное, толстое и облезлое — как будто обработанное наждачкой.

Орудую маникюрными ножницами, мужчина не отрываясь смотрит в ноутбук. В маленьком окне проигрывается видео, но картинка статична. Глубокий мужской голос рассказывает: «Возьмем образ двустороннего домино. На обеих сторонах домино нанесены разные числа. Скажем, на одной костяшке с одной стороны написана единица, а с другой стороны — тройка. Допустим, все цифры на одной стороне идут по порядку: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь...»

Взгляд Нины скользит по комнате. Она смотрит на бесконечный ряд консервов и круп в шкафчике над столом, на однотипные советские корешки книг на полке, на спартанское ложе ее похитителя — голый матрас с подушкой без наволочки.

Похититель закончил стрижку ногтей, но убирать за собой не торопится. Он отложил ножницы и теперь печатает что-то в окне текстового редактора. Он печатает одним пальцем, напоминая ученую обезьяну. Звук печатания то усиливается, то ослабевает. Нина прижимается щекой к полу, но ничего не чувствует: ее лицо и конечности онемели — зато в животе все горит и бурлит. На нее снова накатывает сонливость. Моргая, Нина продолжает смотреть на ахиллово сухожилие.

У Нины острые зубы, а еще она быстро ползает: об этой своей способности Нина узнала в трехзвездочном турецком отеле. Аниматоры устроили конкурс, смысл которого состоял в том, чтобы раньше всех доползти до подставки возле бассейна и схватить зубами стакан с алкогольным коктейлем, а потом так же ползком вернуться с добычей (все это время не прибегая к помощи рук). В этом ползании и хватании у Нины не оказалось конкурентов. По итогам соревнования она получила шоколадную золотую медаль и грамоту с надписью: «Награждается Нина Медведева за первое место в районном конкурсе “К стартам готов!”».

Нет, грамота и медаль были в школе. А на турецком курорте ее наградили игрушкой с сюрпризом. Игрушкой в виде толстого мужчины в солнцезащитных очках.

Если нажать на кнопку, то он распахнет плащ и продемонстрирует член. Или она опять перепутала? Конечно, нет. Это игрушку с членом вручили в школе, после окончания пятого класса. Последний день ее нормальной школьной жизни. На сцене Нина в юбке и свитере, над ней склонилась классная руководительница Валентина Дмитриевна — уставшая блондинка лет сорока, типичная героиня песен Татьяны Булановой. С тоскливой улыбкой она вручила Нине эту игрушку. Нина нажала на кнопку. Зрители в актовом зале — родители, дети, учителя — сдержанно аплодировали со скучающими физиономиями. Точнее, они не хлопали, а сидели, как будто окаменев. Вид члена парализовал их. Нина видит сны наяву, и в этих снах нет движения — просто статичные картины сменяют одна другую.

Нина думает, что поползла бы до ноги похитителя за шесть-семь секунд. Но в реальности она не может даже пошевелиться. Ей что-то вкололи в ягодицу, и это что-то колют примерно по три раза в день. Пару часов в сутки она условно бодрствует, смотрит наяву сны-картины, а все остальное время просто спит, провалившись в бездонную черноту. Нина провела так несколько дней, а может, уже неделю. И ни разу не испытала страха и даже тревоги. Иногда ей хочется улыбаться — она улыбнулась бы, если б не кляп во рту.

Похититель снова берется за маникюрные ножницы. В это же время раздается стук в дверь. Похититель не ждет гостей. Он выпрямляется. Его спина, плечи, шея напряжены. Бросив на Нину недоверчивый взгляд, он

подходит к двери. Похититель произносит короткую реплику с вопросительной интонацией. После чего припадает ухом к двери и вслушивается, как глуховатый старик. Потом он раздумывает над ответом. Он явно не знает, что предпринять. Опять смотрит на Нину — с подозрением, с беспокойством. Берется за ручку и открывает дверь.

В проеме показывается мужское лицо — желтоватое, круглое, мягкое. Но глаза на этом лице внимательные. Они мгновенно пробежались по комнате, прежде чем похититель загородил Нину плечом. Вряд ли гость сумел разглядеть Нину (она лежит в темном углу очень большой комнаты), но ей понравился его взгляд — цепкий, обеспокоенный. Он явно что-то подозревает, и это логично, ведь Нину наверняка разыскивают. «Скоро все это закончится», — думает Нина и погружается в привычную черноту.

Сеня сидит на кухне и изучает раковину. Она засорилась, и Сеня как загипнотизированный смотрит на темную поверхность воды. Раковина напоминает заболоченный пруд. Но Сеню смущают не грязь и не возможное зловоние. Он смотрит на два белых блюдца, очертания которых угадываются с трудом. Сене хочется пить, но все стаканы покоятся где-то на глубине, под слоем пены и блюдами. Сеня глядит и глядит на эти два блюдца, похожие на пару огромных бесстрастных глаз.

Сеня успел позабыть, какой первобытный ужас в нем пробуждает раковина, полная темной воды. В доме, где он жил с родителями, стояла посудомоечная машина. Конечно, бывало, что Сеня споласкивал какой-то столовый прибор, но эту процедуру он воспринимал совершенно спокойно: его не пугает раковина сама по себе — только раковина со стоячей водой, непрозрачной.

Сеня прекрасно помнит момент, с которого все началось. Ему было около шести лет, он так же сидел на кухне, но только не на табурете, а под столом, играя с пластмассовыми фигурками. Это были американский солдатик и морское чудовище, напоминающее плезиозавра. Купол клеенчатой скатерти обеспечивал Сене и этим фигуркам интимную обстановку. Под непрозрачной клеенкой можно было поверить, что, кроме него и пары игрушек, ничего во вселенной нет. Но вдруг угол скатерти отогнулся и герметичность вселенной нарушила голова отца. Она смотрела на Сенью со снисходительной улыбкой и даже с долей пренебрежения. Как будто отец рассчитывал, что его сын дошкольного возраста не играет с фигурками, а работает над диссертацией. Внимательно изучив фигурку, отец сообщил: «Морские чудовища могут водиться вообще где угодно. Все водоемы сообщаются между собой».

Контекст утверждения утрачен: оно могло быть продолжением разговора или завуалированной шуткой про тещу, Сенину бабушку (отец часто сравнивал ее с разными рептилиями и хтоническими существами). А может, он сообщил этот факт ни с того ни с сего. Но Сеня

запомнил именно эту фразу. Что-то в ней было такое простое и страшное, что навсегда поселило в нем ужас перед скоплениями воды, в которых нельзя разглядеть дно. С тех пор, даже плескаясь в ванне с пеной, Сеня не чувствовал себя в безопасности. Казалось, в любой момент до кожи дотронется нечто холодное и он увидит толстое щупальце. Мгновенно обвинив ногу, оно утащит его куда-то вниз, туда, где все водоемы сходятся. То же относилось и к раковине, унитазу, луже после дождя. С годами страх притупился и уже давно не напоминал о себе — до этого случая на кухне коммунальной квартиры.

Сеня полностью поглощен созерцанием раковины и не замечает, как на кухне появляется кто-то еще. Это мужчина в расстегнутой белой рубашке, с кудрявыми волосами на голове, груди и руках, с серьгой в ухе. Лицо у него сонное и слегка удивленное. Мужчина похож на пирата, который так осточертел экипажу, что его бросили погибать на необитаемом острове.

Какое-то время он смотрит на Сеню не шевелясь, сжимая в руках пакет с мясом. Он видит, что неизвестный ему человек на кухне коммунальной квартиры переживает интимный момент. Что человек в глубочайшем трансе, загипнотизирован раковиной или гипнотизирует ее сам. Стараясь не издавать ни звука, а это затруднительно при скрипучих полах, мужчина возвращается в коридор и скрывается у себя в комнате.

Сеня чуть вздрагивает от звука спускаемой воды. Он слышит, как включается или выключается свет в коридоре. Сеня видит себя как будто со стороны: мужчина

лет тридцати в глянцево-синем костюме, купленном мамой. Рост у Сени чуть выше среднего, сложение крупное. На голове мало волос, лицо по-детски круглое, излучающее добродушие, а кожа сухая и желтоватая. Он напряженно прислушивается к шагам в коридоре: сперва они приближаются, но потом замирают где-то на полпути, лязгает ключ, открывается и закрывается дверь.

Бросив на раковину еще один взгляд, Сеня идет в свою новую комнату. Это темный пенал с минимальным набором мебели: конторка, комод и кровать. На окнах тяжелые шторы с кисточками — они пожирают пространство, мрачные, царственные и потрепанные, как занавес в провинциальном театре. Продавленная кровать издает стон по любому поводу: от сквозняка, от перемещений по комнате, от одной мысли о ней. Комод забит чужими вещами: по словам хозяйки, их оставил прежний жилец, съехавший без предупреждения. Сеня переложил вещи так, чтобы освободить пару полок для белья и предметов личной гигиены.

Сеня то и дело смотрит на шторы, ему хочется их раздвинуть, полюбоваться зимними видами, но его мучает ощущение, что за шторами кто-то прячется — возможно, прежний жилец. Некоторое время Сеня стоит возле штор, как будто в самом деле прислушиваясь, пытаясь понять, есть ли за ними кто-нибудь.

В этот момент в дверь стучат и в комнату сразу влетает хозяйка — Анна Эрнестовна. Меньше часа назад Сеня сидел с ней на кухне и подписывал договор. Она действует быстро, решительно: проходится тряпкой

по всем поверхностям, раздвигает шторы и открывает форточку. В комнату врываются потоки холодного ветра. На хозяйке легкий атласный халат, умеренно окровавленный.

— Свежий воздух — это самое главное, — напутствует Анна Эрнестовна. — Свежий воздух, гимнастика и подъем не позднее семи утра.

Она сама — олицетворение свежего воздуха или даже ушата холодной воды. Поплевав на палец, Анна Эрнестовна яростно трет пятно на стене. Все стены комнаты в темных кляксах от раздавленных насекомых. Но хозяйка взъелась почему-то на одно конкретное пятно и долго и интенсивно его натирает.

— У вас очень изысканные занавески, — говорит Сеня. — С бахромой и кисточками, просто шикарные.

У Сени плавная обволакивающая речь университетского профессора, которая вынуждает Анну Эрнестовну замедлить движения. Продолжая тереть пятно, она объясняет, что такие занавески необходимы. Они позволяют выспаться. Если ночью в комнату проникает хоть капля света — от фонарей или фар, — человек не может уснуть как следует. Ему кажется, что он спит, а на самом деле это иллюзия: он только дремлет — и силы и энергию таким образом восстановить нельзя.

— А вы знали, что человек видит сны круглосуточно, даже когда не спит? Просто разум их подавляет, — говорит Анна Эрнестовна.

Сеня смотрит на занавески с наигранной благожелательностью, как бы благодаря их за ту работу, которую

они выполняют для нормализации сна. Выдержав паузу, он задает встречный вопрос:

— Скажите, пожалуйста, а водятся ли у вас в квартире клопы?

Анна Эрнестовна перестает тереть пятно. Это женщина немного за пятьдесят, с лицом, испещренным морщинами, но тело у Анны Эрнестовны спортивное и подтянутое. Рядом с ней Сене становится немного стыдно за свою рыхлую комплекцию, за неэнергичность, за бесполезные часы, проведенные над столом с книгами. Высокая прическа Анны Эрнестовны напоминает снимок костра. Она смотрит на Сеню с недоверием. Все так хорошо начиналось: приятный интеллигентный жилец с бархатным голосом — и вот каверзный вопрос про клопов.

— У нас нет клопов. Но они живут у соседей снизу. Иногда они здесь появляются, но это не наши клопы.

Сене на это нечего возразить, и Анна Эрнестовна наступает:

— А вы собираетесь тут разгуливать в уличном? У вас что, нет домашних штанов?

Сеня пасует, сдает позиции, плюхается на кровать, сбитый с толку энергией и напором Анны Эрнестовны. У Сени есть странная привычка: в неловкой ситуации он начинает разглядывать свои ладони и пальцы, как будто видит их в первый раз. Вот и сейчас он смотрит на пальцы, избегая смотреть на Анну Эрнестовну. Когда Сеня садится, кровать издает чудовищный скрип, настоящий рев титанов из Тартара. Хозяйка игнорирует звуки

кровати и, выкрикнув: «Сейчас у вас будут штаны!» — убегает из комнаты. Сеня остается наедине с тревожными мыслями: его беспокоит диспропорция между вопиюще старым лицом и вопиюще молодым телом Анны Эрнестовны. Ему очень хочется закрыть дверь на ключ, но он подавляет это желание.

Перед Сеней лежит договор аренды. Сеня механически листает его, но задерживается на фразе: «При возникновении форс-мажорных обстоятельств, а именно: введении военного либо чрезвычайного положения...» Сеня вспоминает, что его не попросили внести залог, указанный в договоре, и вообще хозяйка очень уж неохотно обсуждала с ним финансовые и другие практические вопросы. Вопрос о дате ежемесячной оплаты Анна Эрнестовна просто проигнорировала. Кроме того, Сеня не получил от нее никаких сведений о других жильцах, о местных порядках, не получил напутствий, предупреждений, угроз, просьб и распоряжений. Хозяйка не выказала ни малейшего интереса к Сене, не пожелала вникать в детали его биографии, в тот извилистый путь, который привел Сеню в эту конкретную коммуналку. Казалось, во время подписания договора она была настроена философски: возможная порча мебели, задержка арендной платы, включение музыки посреди ночи — в масштабах космоса, мировой истории, перед лицом смерти все это играет третьестепенную роль.

Сеня сидит неподвижно десять-двенадцать минут до появления хозяйки с домашними штанами. На этих штанах не оказывается никаких надписей, полосок,

застежек и даже карманов. Просто строгие темно-синие брюки, которые ему явно малы.

— Приятного проживания, — произносит хозяйка без тени доброжелательности. — В этой комнате лучший вид.

Вид действительно живописный — на канал Грибоедова, Львиный мостик и доходный дом на другой стороне. Но Сене такой вид без надобности — ему нужна комната с видом во внутренний двор. Из такой комнаты можно заметить помойку и двери хорошо сохранившихся каретных сараев. В одной из таких комнат в этой самой квартире жил поэт и писатель Константин Вагинов. Конкретная комната неизвестна, к тому же квартира пережила перепланировку — или даже несколько перепланировок, — но вид из окна не претерпел изменений.

Сеня преподает в СПбГУ на кафедре истории русской литературы и готовится писать книгу о Вагинове. То, что ему удалось найти комнату в том же доме, на третьем этаже, где жил его любимый писатель, — большая, даже невероятная удача. Но Сене хочется пойти дальше: ему нужна та самая комната или хотя бы комната с тем же видом. Он и сам до конца не знает, что это даст, но чувствует, что так надо. Комнат с видом во внутренний двор целых три, и он рассчитывает напроситься к жильцам этих комнат в гости и в идеале уговорить кого-то из них на обмен.

Сене почти двадцать девять лет. Все эти годы он жил с родителями в «доме на курьих ножках» возле метро «Приморская». По мужской линии Сеня принадлежит к научной династии. Отец, дед и прадед Сени преуспели в технической сфере: они были инженерами, докторами

наук. А женщины занимались хозяйством или работали в гуманитарной сфере — преподавательницами русского и литературы, как Сенина мама, или переводчицами, экскурсоводками. Сеня нарушил неписаную традицию семьи и сделался мужчиной-гуманитарием. Было непросто признаться отцу, что ему не так уж и нравится физика. Что он посещает литературный кружок. Со временем его склонность к гуманитарным наукам стала восприниматься семьей как досадная, но безобидная патология. Она и по сей день остается неисчерпаемым источником шуток с налетом сексизма.

Сеня давно одинок. Несколько лет он встречался с коллегой-преподавательницей и, когда показалось, что их отношения совсем исчерпали себя, предложил съехаться. Она согласилась. Прожив так около месяца, на каникулах они решили пойти в поход. Доехали до конечной станции, долго шли через лес к Зеркальному озеру, где собирались разбить палатки. Сеня принялся разводить костер, но огонь все не занимался. Накануне шел дождь, сухих веток не было, а жидкость для розжига Сеня забыл. Попросить помощи было не у кого. Перспектива замерзнуть в ночном лесу должна была вселить в пару страх. Но то, как упрямо и безуспешно Сеня пыхтел над костровищем, какой чахлой, траурной струйкой взвивался дым, оказалось настолько наглядной метафорой их отношений, что оба не выдержали и рассмеялись. А потом разошлись на следующий день.

Сеня был счастлив вернуться к родителям — их отношения обрели второе дыхание. Особенно Сеня

сдружился с отцом. Отец подключил двадцать спортивных каналов. Они каждый вечер смотрели футбол: прямые трансляции высших и низших лиг, повторы старых матчей. Отец сыпал цифрами: точные суммы трансферов и зарплат футболистов, статистика выступлений, показатели технико-тактических действий. Отец сидел с тетрадкой и записывал цифры, проводил вычисления — Сеня слушал его открыв рот. А вот мама, казалось, не выражала особенной радости — во всяком случае, ее манера сватать Сеню каждой своей студентке могла навести на подобные размышления.

Проходит пара часов. Услышав оживленный разговор с кухни, Сеня решает, что пришло время знакомства с соседями, и выходит из комнаты. Коридор коммуналки забит пыльным хламом: тазами и ведрами, полками, стульями, чемоданами, со стен свисают предметы одежды, половники, рыболовные снасти. Все они взаимосвязаны и образуют единый узор. Облупленные стены бугрятся, выступая из четких границ и будто пытаясь стряхнуть с себя все эти вещи. Нужно быть человеком тонким и ловким, чтобы пройти, ничего не задев. Сеня продвигается в темноте и роняет предметы.

На кухне говорят одновременно несколько человек — голоса звучат все тише и тише и замолкают совсем, когда Сеня выходит из коридора. Первым делом он смотрит в пустую раковину, по стенкам которой стекают разводы

пены. За обеденным столом сидят трое соседей, склонившихся над кастрюлей. Двое небритых мужчин за тридцать и девушка лет двадцати пяти. Один сосед — худой и смуглый, в белой рубашке, с кудрявыми волосами на голове, груди и руках. Второй — бородатый мужчина в футболке цвета милитари и спортивных трусах, с неподвижной и строгой физиономией. Время от времени он поправляет дужку очков, заклеенных скотчем. Девушка — полная, с крупными чертами лица, с темными пухлыми губами и большими глазами, она одета в пижаму. Сеня протягивает всем троим руку, старается запомнить их имена: Лена, Артем и Гаэтано.

— Гаэтано? — Рукопожатие Сени и кудрявого типа на табурете длится чуть дольше положенного. У обладателя этого нежного певучего имени оказывается очень приятная на ощупь ладонь, и Сеня не сразу решается ее выпустить. — Это великолепное имя. Впрочем, как и имена Лена, Артем.

— Новый сосед, — реагирует Гаэтано с сильной задержкой. Вообще-то он говорит с акцентом, он произносит что-то вроде «нови сосьет», но в дальнейшем попыток воспроизвести акцент Гаэтано не будет.

Двое соседей-мужчин могли бы сыграть пару потасканых мушкетеров в новой экранизации «Двадцати лет спустя» Александра Дюма. Гаэтано исполнил бы роль д'Артаньяна, а строгий мужчина в очках — Атоса, у него даже имя созвучное. Лена тем временем окидывает Сеню придирчивым взглядом и сообщает:

— У тебя штанина в грязи.

Перед тем как явиться соседям, Сеня переоделся из домашних штанов в свои парадные брюки. Сеня не знает, где и насколько давно он их испачкал. Возможно, он ходит с этой коричневой полосой недели и месяцы: принимает зачеты, выступает на конференциях, жадно вдыхает дым в курилке Публичной библиотеки, пропускает через себя массив статистических данных о футболистах, полулежа с пивом в руке.

— Я, наверное, просто упал, — говорит Сеня. — Поскользнулся, когда шел из магазина с продуктами.

Сеня вдруг понимает, что ему очень хочется есть. Жильцы жуют и громко глотают вареную говядину, которую достают из кастрюли. На столе только мясо — грубо нарубленные куски — и две солонки, с солью и перцем, никаких тарелок, гарнира, хлеба и зелени. В этой трапезе есть что-то средневековое — торопливое поедание дикого кабана, убитого накануне. Крестьяне в землянке под светом свечи. Никто не предлагает Сене присоединиться, и, вздохнув, он идет к холодильнику и достает кукурузу в вакуумной упаковке — его диетический ужин. Холодильников на кухне два, как и плит. Из стены торчит провод неясного назначения, бледно-белый, как кость при открытом переломе. Засмотревшись на провод, Сеня выронил кукурузу из рук, и она закатилась за холодильник.

Обладатель певучего имени Газтано расхохотался. «Вот он, момент истины», — думает Сеня. Прямо сейчас соседи формируют мнение о новом жильце — от этих секунд зависит Сенино будущее в этой квартире. Будущее, тесно переплетенное с его орус

magnum — биографической книгой о Вагинове. Если не переломить ситуацию прямо сейчас, Сеня останется в их глазах дурачком, таким мистером Бином, порождающим анекдотичные сцены ежесекундно. Но как это сделать? Сеня — самый миролюбивый парень на свете, но тут ему приходит страшная мысль: нужно кого-то из этих троих жестоко, до крови избить. Схватить за волосы, повалить и долго лупить ногами. Тогда уже никому не будет смешно, это точно. Сеня и сам ужасается таким мыслям, необъяснимо, как они вообще проникли к нему в голову. Почему-то ему сразу вспомнились громоздкие темные шторы в комнате, как будто именно они в состоянии навязать Сене подобного рода фантазии.

Сеня упустил момент, когда соседи завели разговор о безобразной уборке улиц, но вот Лена уже рассуждает о противогололедных смесях, а Артем часто кивает, внимательно слушая. Впрочем, по лицу Артема сложно понять, внимателен он или нет: его деревянное выражение по ходу беседы не изменяется. Лена говорит громко и властно, с капризными нотками, голосом человека, который слушает остальных с нескрываемой скукой и только и ждет, когда можно будет вставить свое «а вот я считаю».

Сеня пытается встрять в беседу и завоевать сочувствие публики. Он рассказывает про маму — как на днях она поскользнулась возле парадной и сломала руку. Это вранье, она ничего не сломала, хотя в самом деле упала и здорово стукнулась — даже странно, что обошлось без перелома. Соседи выражают сдержанное сочувствие,

но Гаэтано смотрит на Сеню с таким выражением, как будто тот долго и нудно пересказывает сюжет бредового сна. Тем не менее Сеня решает, что лед между ним и жильцами растоплен, и убегает за стулом в комнату, чтобы присоединиться к беседе.

— Сейчас любой выход на улицу — это лотерея со смертельным исходом, — говорит Лена, вытирая пальцы о тряпку. — Заработал перелом шейки бедра — считай, повезло.

— Сосульки. Они просто огромные, — говорит Гаэтано.

— Вчера студента убило ледяной глыбой, прямо возле дверей института.

— Я читал эту историю, — встречает вернувшийся Сеня. — Это студент по обмену из Таджикистана. Его описывают как отзывчивого, доброго и веселого человека. Хотя, наверное, это ничего не значит — просто так принято говорить про погибших людей.

— Смерть номер 72, — вдруг произносит Артем глухим деревянным голосом.

Наступает молчание. Все ждут, когда Артем пояснит, что значит «смерть номер 72», но он явно считает, что сообщил достаточно.

— Что значит «смерть номер 72»? — уточняет Сеня.

Звучат чавканье, причмокивание, глотание в исполнении троих соседей одновременно. Во взгляде Артема читаются усталость и раздражение человека, которого заставляют из раза в раз повторять очевидные вещи. Но, прожевав, он отвечает вполне охотно:

— Это из классификации смертей в каббале — называется «Смерть идиота». Смерть от упавшего кирпича, сосули, куска фасада, балкона или, например, смерть на поломанном аттракционе, смерть в шахте лифта, когда оборвался трос, смерть от удара током — короче, от случайного фактора. Доказано, что ни один великий человек не погиб смертью номер 72.

— Поэт Александр Галич умер от удара током в Париже. Он включал телевизор в розетку, — сразу же вспоминает Сеня.

— Галич? Первый раз слышу эту фамилию, — пожимает плечами Артем.

Сеня снова идет к холодильнику, открывает дверцу и достает бутылку кока-колы zero. Сеня возится с крышечкой бутылки, и, когда наконец открывает ее, из горлышка вырывается пена, она капает на пол и попадает на брюки.

— Древнегреческий трагик Эсхил, — скрипучим и медленным голосом произносит Артем, наблюдая, как Сеня сперва ищет тряпку, а потом вытирает пол, — погиб в глубокой старости от того, что орел сбросил ему на голову черепаху. Но это другое: тут действует рок, фатум, эту смерть ему предсказал оракул. Во всем этом кроется символизм.

— Зачем орел сбросил ему на голову черепаху? — интересуется Лена.

— Сложно влезть в голову птицы, жившей две с половиной тысячи лет назад. Но похоже, что этот орел перепутал лысину Эсхила с камнем и хотел разбить об нее

черепаший панцирь. Это случилось на Сицилии, примерно из этих же мест наш Гаэтано, да? Ты из Неаполя?

— Не совсем, — говорит Гаэтано. Он отвечает с ленивой улыбкой, потягиваясь, как пляжный турист.

— Неаполь. Там находится система подземных тоннелей, образованных природными катаклизмами, и один из этих тоннелей якобы ведет в царство мертвых. Раньше из этих тоннелей поднимались ядовитые испарения, которые отравляли зверей и птиц. Надышавшись ими, оракулы прозревали будущее.

— Есть даже фраза: «увидеть Неаполь и умереть», — вставляет Сеня.

— В Неаполь нельзя ехать одной, — говорит Лена. — Местные мужчины ведут себя мерзко.

— Зато в Неаполе тебя не убьет сосулей.

— Или куском фасада.

— И все-таки там очень красиво — я имею в виду архитектуру, ландшафт. Неаполитанский залив, сливающийся с Тирренским морем, — говорит Сеня. — Впечатление от него просто головокружительное. Про итальянские города пишут, что это как Петербург, но в идеальном климате.

— Я не совсем из Неаполя, — говорит Гаэтано.

— Возникает вопрос: зачем переезжать из идеального Петербурга в неидеальный? Зачем тебе эти сосули, грязь, холод?

Гаэтано на некоторое время задумывается. Его лицо не выражает особой вовлеченности в разговор. Похоже, беседы на подобные темы случаются здесь регулярно:

одни и те же реплики, повторяющиеся с незначительными вариациями.

— В чем цель твоего пребывания в Петербурге? — деревянно-каменным голосом чеканит Артем.

— Говоришь как мент, — усмехается Лена.

— Там просто скучно, — говорит Гаэтано. — Там не происходит ничего.

— А здесь тебя может убить ледяной глыбой.

— А там черепахой, упавшей с небес.

Посреди разговора Артем поднимается из-за стола и, бросив вилку в раковину, выходит из кухни. Он ни с кем не прощается, просто уходит, двигаясь как будто толчками, порывисто — как трактор, увязающий в ямах. Сеня хотел пошутить, что Артем пошел сочинять на Гаэтано донос в миграционную службу, но все-таки промолчал. А вдруг это не шутка — очень уж хмурое у Артема лицо.

После ухода Артема разговор прекращается. Внезапно оказывается, что этот деревянно-каменный человек с грубоватыми репликами был тем социальным клеем, на котором держалась беседа. Лена и Гаэтано возвращаются к поеданию мяса — они склоняются над кастрюлей, как голодные хищники. Посидев немного в молчании, похлопав себя по ногам, Сеня вынужден ретироваться: взяться за стул и утащить его в свою комнату. Вернувшись к себе, он чувствует, что этот смол-ток с соседями лишил его сил.

По пути из туалета Сеня задерживается возле одной из дверей. По расчетам Сени, эта дверь ведет в комнату с видом во внутренний двор. Он замечает, что ручка отломана и на ее месте зияет дыра размером с крышку от банки для консервации. Сеня медленно наклоняется и заглядывает в дыру. Не очень понятно, что он надеется высмотреть. Сеня наблюдает однотонную черноту: возможно, кто-то заклеил эту дыру черной материей с другой стороны. В этот момент от стены плавно, как привидение, отделяется Лена и шепотом говорит:

— В этой комнате никто не живет. Это кладовка Анны Эрнестовны. Знаешь, как она ее называет?

Сеня, застыв в скрюченном положении, произносит так же негромко:

— Нет.

— Шубохранилище.

— Да?

— Надеюсь, это все-таки фигуральное выражение, — Лена рассматривает Сеню, как будто выискивая новые следы грязи, — и там нет никаких шуб. А если и есть, то они из искусственного меха.

Сеня вежливо улыбается. Ему хочется объяснить Лене, почему он таращился в эту дыру, рассказать ей про книгу о Вагинове, но коридор и сама ситуация не подходят для обстоятельных разговоров.

— Не знаешь, где здесь дешево перекусить? — продолжает шептать Сеня.

Он наконец разгибается и расправляет пиджак. Сеня по-прежнему в глянцевом синем костюме. Он сразу же понимает, что употребил неверное слово: нужно было сказать не «дешево», а «вкусно». «Где здесь можно вкусно поесть?» Пока что Сеня предстает в глазах Лены с самой невыгодной стороны: что новая соседка может подумать о нем, основываясь на первых впечатлениях? Что он нищий и жадный. Что он нечистоплотен, чересчур любопытен и трусоват. Что он, возможно, болезненно привязан к собственной матери: по крайней мере, он сразу заговорил о ней при знакомстве. Лена начинает объяснять, как пройти в столовую на Римского-Корсакова, скрытую во дворах. Но лицо Сени становится таким сиротливым, жалобным и беспомощным, что Лена вздыхает и говорит, что проводит его.

Они условились, что Сеня будет дожидаться Лену на улице. Валит снег, Сеня стоит у помойки, переминаясь с ноги на ногу. Температура на улице — около пяти градусов ниже нуля. Лена все не выходит, и Сене уже начинает казаться, что это был глупый розыгрыш, демонстрация неприязни. Он размышляет о Лене: все-таки она какая-то странно цветущая, с неестественно здоровым цветом лица. Живет в Петербурге, но прямо-таки пышет здоровьем: румянец, щеки и губы — все наливное. В этом заключена какая-то тайна. Интересно, что эта Лена за человек?

Вот первые характеристики, которые приходят Сене на ум: самодовольная, властная, интриганка, себе на уме. Такие часто бывают старостами. Перед экзаменом всегда причитают: «Боже мой, боже мой, боже мой! Я ничего не знаю! Меня отправят на пересдачу, а потом исключат! Родители выгонят меня из дому, и я стану бомжихой! Бомжихой-проституткой — буду работать на трассе Е-95, обслуживать дальнобойщиков!» А потом врываются в кабинет первой и всегда получают пять. Сеня на таких насмотрелся. Недавно он заменял одного профессора на экзамене...

К двери парадной приближается иудей в длинном пальто. У него сгорбленная фигура, серебристая борода, в руках пустой черный пакет. Иудей стоит и смотрит на Сеню, покачиваясь на змеиный манер. Наконец иудей откашливается и просит открыть ему дверь. Сеня долго копается в карманах пуховика. Из них выпадают салфетки, одноразовые маски, всяческие бумажки. Сеня вспоминает, что где-то поблизости находится хоральная синагога. Он вспоминает также, что уже наступил Шаббат и ортодоксальные евреи в это время перестают совершать какие бы то ни было усилия. Приложив электронный ключ к замку, Сеня толкает ручку двери. Иудей церемонно кивает и собирается было войти, но его чуть не сносит Лена, пробкой вылетая из двери. Оказалось, она тоже стояла у выхода, дожидаясь, когда кто-то откроет дверь. От холода заклинило кнопку. На Лене пуховик, напоминающий старинный скафандр для путешествия по морскому дну.